

Боярин Орша

Автор:

Михаил Лермонтов

Боярин Орша

Михаил Юрьевич Лермонтов

Поэмы

«Во время оно жил да был

В Москве боярин Михаил,

Прозваньем Орша. – Важный сан

Дал Орше Грозный Иоанн...»

Михаил Юрьевич Лермонтов

Боярин Орша

Глава I

Then burst her heart in one long shriek,

And to the earth she fell like stone

Or statue from its base o'erthrown.

Byron.[1 - Тогда сердце ее разорвалось в одном протяжном крике,И на землю
она упала как камень,Или статуя, сброшенная с своего пьедесталаБайрон.
(Англ.)]

Во время оно жил да был
В Москве боярин Михаил,
Прозваньем Орша. – Важный сан
Дал Орше Грозный Иоанн;
Он дал ему с руки своей
Кольцо, наследие царей;
Он дал ему в веселый миг
Соболью шубу с плеч своих;
В день воскресения Христа
Поцеловал его в уста
И обещался в тот же день
Дать тридцать царских деревень
С тем, чтобы Орша до конца
Не отлучался от дворца.
Но Орша нравом был угрюм:
Он не любил придворный шум,
При виде трепетных льстецов
Щипал концы седых усов,
И раз, опричным огорчен,
Так Иоанну молвил он:
«Надежа-царь! пусти меня
На родину – я день от дня

Всё старе – даже не могу
Обиду выместить врагу:
Есть много слуг в дворце твоём.
Пусти меня! – мой старый дом
На берегу Днепра крутом
Близ рубежа Литвы чужой
Оброс могильною травой;
Пробудь я здесь еще хоть год,
Он догниет – и упадет;
Дай поклониться мне Днепру...
Там я родился – там умру!»

И он узрел свой старый дом.
Покои темные кругом
Уставил златом и серебром;
Икону в ризе дорогой
В алмазах, в жемчуге, с резьбой
Повесил в каждом он углу,
И запестрелись на полу
Узоры шелковых ковров.
Но лучше царских всех даров
Был божий дар – младая дочь;
Об ней он думал день и ночь,
В его глазах она росла
Свежа, невинна, весела,

Цветок грядущего святой,
Былого памятник живой!
Так средь развалин иногда
Растет береза: молода,
Мила над плитами гробов
Игрою шепчущих листов,
И та холодная стена
Ее красой оживлена!..

.....

Туманно в поле и темно,
Одно лишь светится окно
В боярском доме – как звезда
Сквозь тучи смотрит иногда.
Тяжелый звякнул уж затвор,
Угрюм и пуст широкий двор.
Вот, испытав замки дверей,
С гремучей связкою ключей
К калитке сторож подошел
И взоры на небо возвел:
«А завтра быть грозе большой! —
Сказал крестясь старик седой, —
Смотри-ка, молния вдали
Так и доходит до земли,
И белый месяц, как монах,

Завернут в черных облаках;
И воет ветер будто зверь.
Дай кучу злата мне теперь,
С конюшни лучшего коня
Сейчас седлайте для меня,
Нет, не отъеду от крыльца
Ни для родимого отца!»
Так рассуждая сам с собой,
Кряхтя, старик пошел домой.
Лишь вдалеке едва гремят
Его ключи – вокруг палат
Всё снова тихо и темно,
Одно лишь светится окно.
Всё в доме спит – не спит один
Его угрюмый властелин
В покое пышном и большом
На ложе бархатном своем.
Полусгоревшая свеча
Пред ним, сверкая и треща,
Порой на каждый льет предмет
Какой-то странный полусвет.
Висят над ложем образа;
Их ризы блещут, их глаза
Вдруг оживляются, глядят —
Но с чем сравнить подобный взгляд?

Он непонятней и страшней
Всех мертвых и живых очей!
Томит боярина тоска;
Уж поздно. Под окном река
Шумит – и с бурей заодно
Гремучий дождь стучит в окно.
Чернеет тень во всех углах —
И – странно – Оршу обнял страх!
Бывал он в битвах, хоть и стар,
Против поляков и татар,
Слышал он грозный царский глас,
Встречал и взор, в недобрый час:
Ни разу дух его крутой
Не ослабел перед бедой;
Но тут, – он свистнул, и взошел
Любимый раб его, Сокол.

И молвил Орша: «Скучно мне,
Всё думы черные одне.
Садись поближе на скамью,
И речью грусть рассея мою...
Пожалуй, сказку ты начни
Про прежние златые дни,
И я, припомнив старину,
Под говор слов твоих засну».

И на скамью присел Сокол

И речь такую он завел:

«Жил-был за тридевять земель

В тридцатом княжестве отсель

Великий и премудрый царь.

Ни в наше времечко, ни встарь

Никто не видывал пышней

Его палат – и много дней

В весельи жизнь его текла,

Покуда дочь не подросла.

«Тот царь был слаб и хил и стар,

А дочь непрочный ведь товар!

Ее, как лучший свой алмаз,

Он скрыл от молодецких глаз;

И на его царевну дочь

Смотрел лишь день да темна ночь,

И целовать красотку мог

Лишь перелетный ветерок.

«И царь тот раза три на дню

Ходил смотреть на дочь свою;

Но вздумал вдруг он в темну ночь

Взглянуть, как спит младая дочь.

Свой ключ серебряный он взял,

Сапожки шелковые снял,
И вот приходит в башню ту,
Где скрыл царевну-красоту!..

«Вошел – в светлице тишина;
Дочь сладко спит, но не одна;
Припав на грудь ее главой
С ней царский конюх молодой.

И прогневился царь тогда,
И повелел он без суда
Их вместе в бочку засмолить
И в сине море укатить...»

И быстро на устах раба,
Как будто тайная борьба
В то время совершалась в нем,
Улыбка вспыхнула – потом
Он очи на небо возвел,
Вздыхнул и смолк. «Ступай, Сокол! —
Махнув дрожащею рукой,
Сказал боярин, – в час иной
Расскажешь сказку до конца
Про оскорбленного отца!»

И по морщинам старика,
Как тени облака, слегка

Промчались тени черных дум,
Встревоженный и быстрый ум
Вблизи предвидел много бед.
Он жил: он знал людей и свет,
Он злом не мог быть удивлен;
Добру ж давно не верил он,
Не верил, только потому,
Что верил некогда всему!

И вспыхнул в нем остаток сил,
Он с ложа мягкого вскочил,
Соболью шубу на плеча
Накинул он – в руке свеча,
И вот дрожа идет скорей
К светлице дочери своей.
Ступени лестницы крутой
Под тяжкою его стопой
Скрыпят – и свечка раза два
Из рук не выпала едва.

Он видит, няня в уголке
Сидит на старом сундуке
И спит глубоко, и порой
Во сне качает головой;
На ней, предчувствием объят,
На миг он удержал свой взгляд

И мимо – но слыша стук,
Старуха пробудилась вдруг,
Перекрестилась, и потом
Опять заснула крепким сном,
И, занята своей мечтой,
Вновь качала головой.

Стоит боярин у дверей
Светлицы дочери своей
И чутким ухом он приток
К замку – и думает старик:
«Нет! непорочна дочь моя,
А ты, Сокол, ты раб, змея,
За дерзкий, хитрый свой нарек
Получишь гибельный урок!»
Но вдруг... о горе, о позор!
Он слышит тихий разговор!..

1-й голос

О! погоди, Арсений мой!
Вчера ты был совсем другой.
День без меня – и миг со мной?..

2-й голос

Не плачь... утешься! – близок час
И будет мир ничто для нас.

В чужой, но близкой стороне
Мы будем счастливы одне,
И не раба обнимешь ты
Среди полночной темноты.
С тех пор, ты помнишь, как чернец
Меня привез, и твой отец
Вручил ему свой кошелек,
С тех пор задумчив, одинок,
Тоской по вольности томим,
Но нежным голосом твоим
И блеском ангельских очей
Прикован у тюрьмы моей,
Придумал я свой край родной
Навек оставить, но с тобой!..
И скоро я в лесах чужих
Нашел товарищей лихих,
Бесстрашных, твердых как булат.
Людской закон для них не свят,
Война их рай, а мир их ад.
Я отдал душу им в заклад,
Но ты моя – и я богат!..

И голоса замолкли вдруг.
И слышит Орша тихий звук,
Звук поцелуя... и другой...

Он вспыхнул, дверь толкнул рукой
И исступленный и немой
Предстал пред бледною четой...

.....

Боярин сделал шаг назад,
На дочь он кинул злобный взгляд,
Глаза их встретились – и вмиг
Мучительный, ужасный крик
Раздался, пролетел – и стих.
И тот, кто крик сей услышал,
Подумал, верно, иль сказал,
Что дважды из груди одной
Не вылетает звук такой.
И тяжело на цветной ковер,
Как труп бездушный с давних пор,
Упало что-то. – И на зов
Боярина толпа рабов,
Во всем послушная орда,
Шумя сбежалась тогда,
И без усилий, без борьбы
Схватили юношу рабы.

Нем и недвижим он стоял,
Покуда крепко обвивал
Все члены, как змея, канат;

В них проникал могильный хлад
И сердце громко билось в нем
Тоской, отчаяньем, стыдом.

Когда ж безумца увели
И шум шагов умолк вдали,
И с ним остался лишь Сокол,
Боярин к двери подошел;
В последний раз в нее взглянул,
Не вздрогнул, даже не вздохнул
И трижды ключ перевернул
В ее заржавленном замке...
Но... ключ дрожал в его руке!
Потом он отворил окно:
Всё было на небе темно,
А под окном меж диких скал
Днепр беспокойный бушевал.
И в волны ключ от двери той
Он бросил сильною рукой,
И тихо ключ тот роковой
Был принят хладною рекой.

Тогда, решив свою судьбу,
Боярин верному рабу
На волны молча указал,
И тот поклоном отвечал...

И через час уж в доме том
Всё спало снова крепким сном,
И только не спал в нем один
Его угрюмый властелин.

Глава II

The rest thou dost already know,

And all my sins, and half my woe,

But talk no more of penitence...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Тогда сердце ее разорвалось в одном протяжном крике,
И на землю она упала как камень,
Или статуя, сброшенная с своего пьедестала

Байрон. (Англ.)

Купить: <https://tellnovel.com/ru/mihail-lermontov/boyarin-orsha>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)